

В диссертационный совет 02.1.002.03,
созданный при ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, г. Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Нижегородской области Владимира Михайловича Баранова на диссертацию Вайно Александра Антоновича на тему «Стратегические инициативы в праве и законодательстве: теоретико-правовое исследование» (Москва, 2026. 199 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки)

После первого взгляда на титульный лист кандидатской диссертации Александра Антоновича Вайно меня охватило радостное удивление – в очередной раз ярко «высветился» творческий талант научного руководителя квалификационного научного исследования. Чувство нового, умение остро, самобытно, запоминающе сформулировать научную проблему – редкий дар во все времена доктринального творчества в гуманитарной сфере.

Не секрет – многие видные правоведы, обладающие значительным исследовательским опытом, испытывают затруднения при выборе и обосновании темы диссертационного исследования для своих учеников.

Сейчас мы имеем возможность при обсуждении диссертации А.А. Вайно без какого-либо преувеличения оперировать понятием «впервые». Работа соискателя – не одна из первых, а именно первая. Одно это обстоятельство обуславливает особую актуальность рассматриваемого высокоценного монографического научного продукта.

Стратегическая инициатива и А.А. Вайно – отныне эта «связка» навсегда войдет в теорию государства и права. Вспомним: В.В. Лазарев опубликовал сотни статей, десятки монографий, произнес серию блестящих докладов по разным проблемам юриспруденции, но его имя неразрывно связано с проблематикой пробелов в праве. По аналогии, думаю, имя А.А. Вайно станет

(сколько бы он не написал в будущем научных работ) ассоциироваться со стратегической инициативой. А.А. Вайно впервые предпринимает смелую и блестяще реализованную попытку извлечения этой категории из управленческого дискурса и ее легитимации в понятийном аппарате общей теории права.

Мне остается поздравить авторитетный и очень требовательный диссертационный совет 02.1.002.03, созданный при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», с еще одной крупной научной победой – новаторской и граждански смелой кандидатской диссертацией.

Диссертация А.А. Вайно выгодно отличается от множества средних, «проходных» монографических исследований своей нацеленностью на поиск «стыковых» трансдисциплинарных проблем, которые до сих пор оказывались вне внимания юридической общественности. Конечно, тема диссертации «вынуждала» соискателя встать на этот методологический путь, но поражает число инновационных идей, которые ему удалось обнаружить.

Диссертация А.А. Вайно – удачное, если не оптимальное, генерирование подлинно научной и малоизвестной информации о стратегических инициативах. При этом информация методологически точно опирается на прочный фундамент теории, практики, техники правомерного поведения, юридической активности. Не следует забывать, что в основе активности в правовой сфере лежит сформировавшееся правосознание, побуждающее не ко всяким, а к **инициативным** правомерным поступкам. По В.В. Оксамытному, «инициативная деятельность рассматривается в качестве критерия выделения форм социально активного правомерного поведения» (Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985, с. 130).

Мы вступили в эпоху, которую академик Т.Я. Хабриева обоснованно характеризует как период технологической революции, требующей перехода права от статуса сложной саморегулирующейся системы к статусу сложной саморазвивающейся системы. В этих условиях стратегические инициативы

выступают тем самым интеллектуальным и организационным мостом, который соединяет абстрактные конституционные цели с конкретными правовыми реалиями.

Вышеизложенное позволяет констатировать: тема, избранная А.А. Вайно, является актуальной как в теоретическом, так и в практическом отношении. Ее разработка отвечает потребности общей теории права в осмыслении новых средств правового развития и запросу правотворческой практики на научно обоснованные подходы к формированию и реализации стратегических инициатив.

Тема диссертации соответствует научной специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки».

Работа посвящена теоретико-правовому осмыслению феномена «стратегических инициатив» в праве и законодательстве. Это находится в русле ключевых направлений паспорта научной специальности, таких как: п. 20: «Правообразование и правотворчество. Прогнозирование в праве»; п. 23: «Правовое регулирование»; п. 30: «Право и социально-экономическое развитие общества. Правовая политика»; п. 33: «Государство, право и научно-технический прогресс».

Работа демонстрирует высокую степень логической стройности и системности. Исследование выстроено по классической схеме: от общего к частному. Сначала (Глава 1) раскрывается понятие стратегических инициатив и их роль в праве и законодательстве. Затем (Глава 2) анализируется конкретный правовой механизм их формирования и реализации. Это обеспечивает логичный переход от теоретических основ к практическим аспектам. Все части работы взаимосвязаны. Положения, выносимые на защиту (стр. 11-14), напрямую вытекают из содержания глав. Исследование охватывает ключевые аспекты заявленной темы: понятие и сущность (п. 1.1), механизм достижения целей (п. 1.2), влияние на законодательство (п. 1.3), нормативную и институциональную основу (п. 2.1), правовую форму (п. 2.2) и мониторинг/контроль (п. 2.3).

Семь положений, выносимых на защиту, представляют собой завершенную научную концепцию. Они логически вытекают из текста диссертации и обладают высокой доказательной базой.

Заслугой диссертанта является установление **дуалистической природы** стратегических инициатив: они выступают одновременно как источник и инструмент правовой политики (правопреобразующее начало) и как объект правового регулирования (институциональное начало). Автор убедительно доказывает, что стратегическая инициатива юридически опосредует властно-правовое волеизъявление, выражающее консолидированную общественную волю, и служит идейной основой долгосрочного целеполагания, имеющего асимметричный характер, направленный на преодоление регуляторной инерции.

Предложена оригинальная **типология стратегических инициатив** в праве (функциональные, корректирующие, конструктивные, инновационные, защитительные), очищенная от сугубо корпоративных (бизнесовых) характеристик и адаптированная к специфике публично-правового развития.

Среди несомненных достоинств рецензируемой работы следует особо выделить **межотраслевой характер исследования**. Диссертация не замыкается в рамках чистой теории права, а активно привлекает материал из самых разных отраслей юридической науки и смежных областей знания. Это проявляется в следующем.

Обозначена конституционная база работы. Автор подробно анализирует конституционные преобразования 2020 г., особенно ст. 75.1 Конституции РФ, закрепившую целеполагание в области устойчивого экономического роста, социального партнерства и солидарности. Показывается, как эти конституционные новеллы создали основу для правовой идентификации стратегических инициатив. Без конституционно-правового анализа этот вывод был бы невозможен.

Выигрышно экстраполирован материал административного и финансового права. Диссертант исследует Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле», бюджетное законодательство

(Бюджетный кодекс, Федеральный закон № 177-ФЗ о национальных проектах), законодательство о стратегическом планировании (№ 172-ФЗ). Это позволяет соискателю показать – как стратегические инициативы встраиваются в механизм государственного управления и финансового обеспечения.

Оправдано обращение к гражданскому, предпринимательскому и инвестиционному праву. Анализируются государственно-частное партнерство, концессионные соглашения, деятельность институтов инновационного развития (ВЭБ.РФ, Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики). Это демонстрирует, что стратегические инициативы реализуются не только через властные предписания, но и через договорные формы.

Привлечение в приемлемых пределах трудового, налогового, таможенного, экологического права. Автор приводит примеры правовых экспериментов в этих отраслях: специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (№ 422-ФЗ), эксперименты с электронными документами, искусственным интеллектом. Это подчеркивает универсальность стратегических инициатив как инструмента, применимого в разных сферах.

Четко «вскрыта» связь с экономикой, политологией, менеджментом. Диссертант интегрирует концепцию New Public Management, проектный подход, теорию стратегического менеджмента. Это обогащает юридический анализ пониманием управленческих и экономических механизмов, лежащих в основе стратегических инициатив.

Важно отметить: межотраслевой характер проявляется и в структуре работы. Например, в параграфе 2.1 рассматриваются нормативная и институциональная основы, что требует обращения к административному, финансовому, гражданскому праву. В параграфе 2.2 анализируются правовые формы реализации, включая проектный подход и правовой эксперимент, что связывает теорию права с отраслевыми процедурами.

Таким образом, межотраслевой подход позволяет автору не фрагментировать научные представления о стратегических инициативах, а представить их как сквозной правовой феномен, проявляющийся в разных

отраслях и требующий комплексного регулирования. Это вполне соответствует современным тенденциям интеграции юридического знания.

Одним из несомненных достоинств диссертации А.А. Вайно является глубокое знание автором **отечественного законодательства** и свободная ориентация в нормативном массиве самого разного уровня – от Конституции РФ до муниципальных актов, что проявляется не в простом перечислении законов, а в их системном анализе, выявлении взаимосвязей и формулировании предложений по совершенствованию. Автор уверенно оперирует ключевыми федеральными законами: о стратегическом планировании (№ 172-ФЗ), об экспериментальных правовых режимах (№ 258-ФЗ), о государственном контроле (№ 248-ФЗ), о науке и технологической политике (№ 127-ФЗ и № 523-ФЗ), о государственно-частном партнёрстве (№ 224-ФЗ), а также налоговыми экспериментами («Налог на профессиональный доход», автоматизированная упрощённая система налогообложения) и новейшими бюджетными новеллами (№ 177-ФЗ), включившими национальные проекты в документы стратегического планирования. Не ограничиваясь законами, диссертант грамотно работает с подзаконными актами – указами Президента РФ (№ 597, № 204, № 474, № 309, № 57, № 145), постановлениями и распоряжениями Правительства РФ (№ 1288, № 2011, № 1813, № 3999-р, № 1315-р и др.), выстраивая хронологию и показывая преемственность государственной политики. Привлекается и региональное законодательство, и муниципальные акты, что свидетельствует о понимании многоуровневости регулирования. Особенно ценно, что автор отслеживает самые свежие изменения – вплоть до 2024-2026 гг., включая Указ № 57 об Агентстве стратегических инициатив и проект закона об искусственном интеллекте. Знание законодательства проявляется и в критическом анализе: обосновывается необходимость законодательного закрепления процедур формирования стратегических инициатив, предлагается не распространять Закон № 248-ФЗ на мониторинг их реализации, формулируются параметры регламентации правовых экспериментов и обосновывается интеграция институтов агентов развития технологий и агентов изменений. Всё это делает

работу не только теоретически значимой, но и практически ориентированной, а выводы – доказательными и применимыми в правотворческой деятельности.

Нельзя не отметить широкое использование **зарубежных источников**. Диссертация демонстрирует впечатляющую осведомлённость автора о зарубежном опыте и научной литературе. Это проявляется в нескольких аспектах.

Широкий географический охват. Автор анализирует практику США, КНР, Европейского союза, Японии, Южной Кореи, Франции, Германии, Великобритании, Сингапура, Австралии, Индии, ОАЭ, Казахстана, Узбекистана, Вьетнама и других стран. Это позволяет выявить как общие закономерности, так и национальные особенности.

Приведены конкретные примеры стратегических инициатив за рубежом. Приводятся такие проекты, как:

- США: Национальная нанотехнологическая инициатива (1999), Национальная стратегия безопасности киберпространства (2003), Национальная квантовая инициатива (2018), Национальная инициатива по биотехнологиям и биопроизводству (2022).
- КНР: инициативы «Один пояс, один путь», Инициатива глобального развития, Инициатива глобальной безопасности, Инициатива глобальной цивилизации.
- ЕС: Европейский зелёный курс, Цифровое десятилетие, «Глобальный портал», Энергетический переход.
- Япония: «Зелёная трансформация», «Стратегия зелёного роста», «Стратегия в сфере искусственного интеллекта», Cool Japan.
- Великобритания: регуляторная песочница Digital Securities Sandbox.
- Германия: проект закона о регуляторных песочницах (2025).

Это не просто перечисление, а анализ целей, механизмов и правовых форм реализации, что значительно обогащает сформулированные теоретические выводы.

К месту в диссертации применяется сравнительно-правовой метод. Автор не просто описывает зарубежный опыт, но и сравнивает его с российским, выявляя сходства и различия. Например, при анализе экспериментальных правовых режимов он сопоставляет российский Закон № 258-ФЗ с зарубежными «регуляторными песочницами» и делает вывод об их квазиэкспериментальной природе. Это весьма ценный теоретический результат.

Учёт наднационального уровня. Анализируются акты ЕАЭС (распоряжение Совета ЕЭК о приоритетных евразийских технологических платформах), документы ОЭСР (Strategic Foresight Unit, Regulatory Sandbox Toolkit), что свидетельствует о верном понимании автором многоуровневой системы правового регулирования.

Использование зарубежной доктрины. В библиографии представлены работы И. Ансоффа, Й. Шумпетера, К. Худа, Д. Осборна, Т. Габлера и др. Автор опирается на концепции экспериментального законодательства, регуляторных песочниц, доказательной политики. Это доказывает владение им современными зарубежными подходами. Привлечены иностранные источники на разных языках. Библиография включает литературу на английском, французском, немецком, испанском, португальском, китайском, корейском языках. Это свидетельствует о высокой исследовательской культуре и способности работать с оригинальными текстами.

Из этих общих теоретических посылок логично следует высокозначимый вывод о диалектическом противоречивом сочетании инновационного и традиционного в стратегической инициативе.

Проблема баланса, гармонии традиционного консервативного («старого») и инновационного («нового») элементов в праве относится к разряду «вечных».

В 1904 году в февральском номере Журнала Министерства юстиции опубликована статья А. Башмакова «Законодательная техника и народное право». На с. 176 читаем: «Нет ничего труднее, как выработка и практическое осуществление законодательной техники в условиях именно современной жизни, когда следует провести ясное раздвоение ее целей: с одной стороны,

уловить и выразить то, что содержит незыблемый фундамент; с другой стороны – справедливо отнестись к назревающим потребностям новой жизни и дать им во-время правовой облик, освященный авторитетом власти сего мира». И далее на следующей странице – «Законодателю необходимо найти безошибочные руководящие начала, дабы **совместить в законе норму нарастающих потребностей с нормой незыблемо укоренившихся устоев жизни**, не смешивая последних с ненужными и безжизненными останками».

Соискатель сумел эту сложнейшую политико-правовую проблему поставить и посильно решить для нынешнего этапа развития теории государства и права, что надо отнести к его крупной заслуге, вековому достижению. Другое дело, что его теоретические выкладки очень непросто реализовать на практике. В этой связи не для развлечения членов диссертационного совета, а для иллюстративного пояснения (с намеренным «приземлением» проблемы) приведу один любопытный сюжет. Продемонстрирую Вам несколько фотографий нынешнего зала ресторана «Савой». Коллеги старшего поколения наверняка помнят это красивое историческое помещение, где сосредоточены уникальные детали интерьера в стиле рококо (потолочные росписи; изысканная лепнина с золотыми узорами; венецианские зеркала, которые визуальнo расширяют пространство; мраморный фонтан с золотыми рыбками в центре зала). Ныне в зале размещено 14 грубых конструкций модулей газового пожаротушения и порошковых баллонов, закрытых в чехлы из неприглядной холстовой ткани, Вопрос – можно ли найти баланс в этой ситуации? Ясно, что безопасность посетителей ресторана в приоритете, но как сохранить культурную достопримечательность исторического зала? Ураганные ритмы и темпы нынешней многоплановой правовой деятельности, неординарные результативные стратегические инициативы способны «снести», «уничтожить» старые добрые артефакты юридической старины. И противостоять этому опасному повороту событий призвано право, разумные законодательные ограничения стратегических и тактических инициатив.

Стратегическая инициатива относится к такому разряду научных проблем, которые аккумулируют «моменты истины» и обеспечивают существенный прирост общетеоретических знаний.

Убедителен фрагмент диссертации о функциях стратегических инициатив (прогностическая, преобразовательная, организующая), удачно раскрыт их дуализм как источника и объекта правовой политики.

Неординарна классификация субъектов стратегических инициатив, введено понятие «агентов изменений (развития)», что имеет немалую практическую ценность.

Рассмотрены основные правовые формы реализации стратегических инициатив через проектный подход и правовой эксперимент, а также предложены меры по мониторингу и контролю.

Совокупность изложенных результатов позволяет сделать вполне определенный вывод о научной новизне диссертационного исследования. Соискателем впервые в отечественной общей теории права осуществлено комплексное теоретико-правовое исследование стратегических инициатив в праве и законодательстве: обоснована их дуалистическая природа как источника и инструмента правовой политики и одновременно объекта правового регулирования, предложена авторская типология стратегических инициатив, раскрыты их функции, введено понятие «агентов изменений (развития)», обоснован паракспериментальный характер экспериментальных правовых режимов, сформулированы предложения по совершенствованию правовых форм реализации стратегических инициатив, их мониторинга и контроля.

Стремительное развитие технологий, цифровая трансформация и глобальные вызовы требуют переосмысления роли права, которое всё чаще выступает не только регулятором сложившихся отношений, но и активным инструментом преобразования общества на долгосрочную перспективу. В этом контексте исследование стратегических инициатив как средства реализации правопреобразующей функции права представляет собой своевременный и востребованный научный проект.

Достаточна апробация результатов исследования: основные положения диссертации обсуждены на заседаниях Центра фундаментальных правовых исследований и кафедры теории, истории и философии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, представлены на международных научно-практических конференциях, а также использованы при подготовке проекта указа Президента РФ и в учебном процессе.

Изложенное дает основание для вывода о высокой степени обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Их обоснованность обеспечивается продуманной методологией исследования, сочетающей межотраслевой подход и сравнительно-правовой метод, опорой на труды классиков и современных представителей отечественной и зарубежной юридической науки, а также смежных областей знания, системным анализом обширного нормативного массива – от Конституции РФ до муниципальных актов, актов международных и наднациональных образований, законодательства зарубежных государств. Достоверность полученных результатов подтверждается репрезентативностью нормативной и доктринальной базы, внутренней непротиворечивостью и логической согласованностью выводов, их апробацией на научных мероприятиях и использованием при подготовке проекта указа Президента РФ и в учебном процессе.

Соискателю присуще академическая свобода сказать «нет» малообоснованным неточным доктринальным суждениям, что свидетельствует о его профессиональной зрелости и уверенности в собственных творческих силах. Выдвинутая им критика отличается не только точностью, убедительностью, наглядностью, но и культурой полемики.

Обладая безусловной научной ценностью и теоретической фундаментальностью, диссертационное исследование А.А. Вайно не свободно от некоторых спорных суждений, малообоснованных выводов, технических погрешностей.

1. Выполнение теорией государства и права **методологической функции** предполагает расширение, обогащение, уточнение категориального аппарата. В этой связи неясно – почему соискатель уклонился от формулирования авторской дефиниции понятия «стратегическая инициатива». Автор предлагает описание функции: «Стратегическая инициатива юридически опосредует властно-правовое волеизъявление...». Но это не определение, а характеристика роли. Остается загадкой – чем является стратегическая инициатива: правовым актом, процедурой, идеей? Понятие «стратегическая инициатива» используется в тексте диссертации в нескольких несогласованных значениях: как идея, замысел (идейная основа); как акт, документ (средство опосредования); как инструмент достижения целей; как общественно значимый проект (если следовать логике положения 4); как начальный этап формирования правовой нормы. Такая полисемия могла быть «снята» авторской дефиницией понятия «стратегическая инициатива».

2. Концептуальная неопределенность присутствует в ключевом для диссертации **понятии «правопреобразующее»**. Автор использует для раскрытия этого понятия целый блок близких, но не тождественных терминов и при этом не разграничивает их. Сначала говорится о трёх функциях. Потом – о значении, ориентированности и потенциале. Функции, значение, ориентированность и потенциал – это разные категории. Функции – это роли, назначение явления в системе. Значение – это ценность, важность для чего-либо. Ориентированность – это направленность. Потенциал – это возможность, способность.

Автор использует их как взаимозаменяемые, что создаёт иллюзию глубины, но на деле размывает предмет. Если стратегические инициативы выполняют преобразовательную функцию, то это характеристика их роли. Если у них есть правопреобразующее значение, то это оценка их важности. Если они обладают право- и практико-преобразующей ориентированностью, то это указание на направление. Если у них есть правопреобразующий потенциал, то это констатация возможности. Это четыре разных аспекта. Их смешение без

развернутого специального пояснения – терминологический содержательный дефект.

Не раскрыто соискателем понятие «правопреобразующее значение». Автор декларирует, что стратегические инициативы имеют правопреобразующее значение, но не показывает механизм этого преобразования.

В автореферате сказано: «Результатом реализации стратегических инициатив являются законодательные новеллы, развитие существующих и появление новых правовых институтов, общая модернизация законодательства» (стр. 11–12).

Но это констатация результата, а не раскрытие значения. Чтобы показать правопреобразующее значение, нужно ответить на вопросы: что именно преобразуется в праве? (структура? содержание? методология? система источников?); как происходит это преобразование? (через какие механизмы? процедуры? институты?); чем это преобразование отличается от обычного правотворчества?; почему без стратегических инициатив это преобразование невозможно?

Ответов на эти вопросы в диссертации нет. Автор ограничивается общими утверждениями: «оказывают практико-преобразующее воздействие», «служат идейной основой», «обеспечивают гибкость».

3. Трудно согласиться с автором в том, что «модернизация является не вспомогательным, а системообразующим элементом в механизме реализации стратегических инициатив» (с. 82).

В теории права механизм – это система правовых средств. Элемент механизма – это статическая единица, «кирпичик», из которого состоит система. Модернизация законодательства – это процесс целенаправленного обновления правового регулирования. Это динамическая характеристика, а не статический элемент. Модернизация – это результат или цель функционирования механизма, но не его элемент. Нельзя сказать, что «модернизация входит в механизм», как нельзя сказать, что «ремонт входит в дом». Ремонт – это процесс, происходящий с домом; модернизация – это процесс, происходящий с законодательством.

Автор допускает сразу 3 ошибки: а) модернизация – не элемент. Элемент – это то, из чего состоит механизм. Модернизация – это то, что происходит в результате работы механизма или сопровождает его. Её нельзя «положить» в механизм как деталь; б) модернизация – не может быть «системообразующим элементом». «Системообразующий» означает формирующий систему, задающий её структуру. Если модернизация – системообразующий элемент, то она создаёт механизм. Но механизм реализации стратегических инициатив создаётся нормами, институтами и процедурами, а не процессом модернизации. Модернизация – это следствие, а не причина существования механизма; в) логическое противоречие. Если модернизация – элемент механизма, то она должна быть частью механизма. Но тогда получается, что механизм реализации стратегических инициатив включает в себя модернизацию законодательства. То есть реализация инициатив включает изменение законодательства, которое, в свою очередь, нужно для реализации инициатив. Это замкнутый круг: чтобы реализовать инициативу, нужно модернизировать законодательство, а чтобы модернизировать законодательство, нужно реализовать инициативу.

Автор, по всей видимости, допустил смешение: элемента (структурная единица) и процесса (динамика); результата и причины; цели и средства.

4. Дискуссионна позиция соискателя относительно природы стратегических инициатив как источника права. В положении № 1 и по тексту работы (с. 12, 42, 154) указывается, что стратегическая инициатива выступает «одновременно источником и инструментом государственной политики, в том числе правовой». В параграфе 1.3 (с. 68) диссертант также упоминает, что «программные акты приобретают нормативное значение, становясь источниками права». Вместе с тем, в отечественной теории права (традиция С.С. Алексеева, Ю.А. Тихомирова) источник права (форма права) имеет строгую дефиницию, подразумевающую официальное закрепление норм поведения, обеспеченных государственным убеждением, поощрением, принуждением. Стратегическая инициатива, будучи по своей природе «протоправом», нормообразующим фактором или интеллектуальной основой для будущего закона, сама по себе, как

правило, не содержит классических элементов нормы права (гипотезы, диспозиции, санкции). Вопрос к автору: не размывает ли признание стратегических инициатив (или программных актов) полноценными источниками права традиционную иерархию форм российского права? Не следует ли рассматривать стратегическую инициативу не как источник права, а как метаматериальный фактор правопорождения (источник в материальном, а частично и идеальном смыслах), который оказывает свое влияние на правопорядок исключительно через последующее принятие нормативного правового акта или эксперимента?

5. Элемент непоследованности и недосказанности присутствует в диссертации при анализе правового статуса «агентов изменений (развития)». В параграфе 2.1 (с. 95-96, 104-105) автор предлагает концепцию интеграции институтов инновационного развития и АСИ в единый институт «агентов изменений (развития)», основанный на принципе социального партнерства. Однако диссертант обходит стороной фундаментальную коллизию их организационно-правовой формы. Агентство стратегических инициатив, как и многие институты развития, имеет форму автономной некоммерческой организации (АНО) – субъекта частного права. В этой связи, возникает вопрос: каким образом частно-правовая организационная форма (АНО) соотносится с публично-правовой, властно-преобразующей миссией агента изменений? Не возникает ли здесь риск «приватизации» стратегического целеполагания и размывания конституционной ответственности публичной власти перед обществом? В ходе публичной защиты соискателю желательно ответить на вопрос: следует ли разработать специальный федеральный закон, наделяющий такие АНО особым публично-правовым статусом (статусом «публичной корпорации» или «специализированного публичного института»), чтобы легитимировать их правоприменительные и нормообразующие функции?

6. Считаю важным и нужным отметить риски «параэкспериментального» регулирования. Интересный вывод автора о том, что ЭПР («регуляторные песочницы») не являются правовыми экспериментами, а

носят параэкспериментальный характер, поскольку их цель – тестирование технологий, а не проверка научно-правовой гипотезы (с. 128-131), конечно, открывает новые горизонты правового мышления, раздвигает границы юридического познания. Однако этот вывод влечет за собой серьезное практическое последствие. Классический правовой эксперимент требует обязательной научной гипотезы, этической и юридической экспертизы, а также жестких гарантий прав граждан. ЭПР же, по сути, допускают временное отступление от императивных норм закона (ординарного регулирования) для группы лиц. Если ЭПР не является правовым экспериментом, то какова теоретико-правовая природа механизма, позволяющего в рамках ЭПР де-факто приостанавливать действие норм федерального закона для участников режима? Не является ли такая конструкция обходом конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ)? Каким образом доктрина может или должна ограничить «параэкспериментальное» регулирование, чтобы оно не трансформировалось в инструмент лоббизма и создания привилегий для отдельных корпораций под видом «технологического суверенитета»?

7. Сомневаюсь в правильности аргументации тезиса соискателя о границах стратегического мониторинга и государственного контроля. В параграфе 2.3 (с. 148-150) автор предлагает вывести мониторинг стратегических инициатив из-под действия Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре)...», мотивируя это тем, что цель такого мониторинга – развитие, а не обеспечение устойчивости. Однако стратегические инициативы, особенно в форме национальных проектов, предполагают колоссальное бюджетное финансирование и использование государственной собственности. В этой связи, возникает вопрос – где проходит теоретическая и практическая грань между «стратегическим мониторингом» (оценкой достижения национальных целей) и «государственным финансовым контролем» (оценкой законности и целесообразности расходования публичных ресурсов)? Не создаст ли предложенное соискателем исключение из предмета Закона № 248-ФЗ правовой

вакуум в части контроля за целевым использованием средств, выделенных на реализацию стратегических инициатив? Не следует ли разработать специальный механизм стратегического аудита, который бы интегрировал методы финансового контроля и проектного мониторинга?

8. Автор справедливо констатирует фрагментарность нормативной базы стратегических инициатив (с. 85-86, 134). В заключении диссертант указывает на необходимость «минимальной достаточности регламентирования» (с. 102, 159), предлагая опираться на ст. 75.1 Конституции РФ и развивать подзаконное регулирование. Однако отсутствие единого «рамочного» закона порождает риски ведомственного разброда и подмены понятий (когда стратегическими инициативами начинают называть любые текущие государственные программы). В ходе защиты диссертации хорошо бы получить от соискателя ответы на вопросы: считает ли он достаточным существующий уровень законодательной регламентации деятельности стратегического инициирования? Не назрела ли необходимость принятия специального Федерального закона «О стратегических инициативах в Российской Федерации», который бы закрепил единый понятийный аппарат, статус агентов изменений, процедуру отбора инициатив, а также механизмы их трансформации в законодательные предложения? Или, на его взгляд, это приведет к излишней бюрократизации и утрате гибкости, которая является главным преимуществом стратегических инициатив?

Считаю нужным упрекнуть А.А. Вайно в том, что он не упомянул в библиографии и не проанализировал в диссертации некоторые профильные (смежные) для его темы работы: Говорухиной Ю.В. Стратегия как правовой документ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 30 с.; Редько А.А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2023. 59 с.

А теперь одно пожелание А.А. Вайно, если он решит продолжить работу над этой уникальной и вечной проблемой. Стратегическая инициатива – социально активная положительная деятельность и она нуждается в системе

действенного государственного поощрения. Для стимулирования стратегических инициатив требуется разработка особых поощрительных норм права, поиск неординарных мер морального поощрения. Принудить к «рождению» стратегической инициативы невозможно, а вот стимулировать –желательно.

Для доказательства тщательности прочтения диссертации отмечу некоторые технические погрешности, грамматические ошибки, неудачные стилистические обороты, повторы материала.

Страницы 21 и 41 диссертации содержат повтор о зарождении понятия «стратегическая инициатива». На с. 45 у автора «отечественный правопорядок адОптировался», на с. 97 – «из вне».

Абзац 2 (предпоследний) с.115: «востребованность правового эксперимента как инструментЕ правового развития».

На с. 96 употребляется понятие «гипотонический», хотя о кровяном давлении речи не идет. Абзац третий с. 103 гласит: «отечественное право обладает необходимым и достаточным потенциалом для включения в законодательство Российской Федерации положений...». Положения в законодательство включает все-таки законодатель, а не право.

Выдвинутые замечания носят дискуссионный либо частный характер, не подвергают сомнению концептуальные основы новаторской и практически значимой диссертации. Отмеченные недостатки и погрешности ни в коей мере не умаляют научных достоинств работы. Напротив, они свидетельствуют о том, что исследование А.А. Вайно обладает мощным эвристическим потенциалом, способным стимулировать плодотворную научную дискуссию и стать отправной точкой, «катализатором» новых доктринальных изысканий в области теории правового прогнозирования, юридической технологии и конституционного проектирования.

Диссертация А.А. Вайно является самостоятельно выполненной, завершенной научно-квалификационной работой, обладающей внутренним единством, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития теории государства и права, – разработка теоретико-правовой

концепции стратегических инициатив в праве и законодательстве. Предложенные автором решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Основные научные результаты диссертации отражены в опубликованных соискателем научных работах, в том числе в рецензируемых научных изданиях.

Автореферат соответствует основным положениям диссертации.

Диссертация в полном объеме отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, установленным пунктами 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор – Вайно Александр Антонович – вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 (теоретико-исторические правовые науки).

Официальный оппонент,
помощник начальника ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России» по инновационному развитию научной деятельности,
Президент исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист Нижегородской области
(специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве)

Владимир Михайлович Баранов

«12» октября 2026 года

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»
603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
тел.: 8(831) 421-72-72
e-mail: na@mvd.ru

